

Разочарование от войны¹

Фрейд З.

Захваченные вихрем военного времени, односторонне информированные, неспособные дистанцироваться от великих перемен, которые уже произошли или происходят, неспособные предугадать надвигающееся будущее, мы ошибочно толкуем обрушившиеся на нас впечатления, а наши суждения запутанны и неясны. Нам кажется, что никогда прежде события войны не уничтожали с такой беспощадностью общее и дорогое всем нам достояние человечества, никогда не заблуждались так самые светлые умы, никогда с такой скоростью не свергались прежние авторитеты и отменялись высокие ценности. Собственно, даже наука утратила свою былую беспристрастность. Ее озлобленные до глубины души представители ищут подходящее оружие, чтобы внести свой вклад в борьбу с противником. Антропологи объявляют врагов неполноценными дегенератами, психиатры ставят им диагнозы душевных болезней и психических расстройств. Но возможно, мы преувеличиваем размер собственных бедствий и не вправе судить о бедствиях в те времена, когда мы не жили.

Индивид, не сделавшийся солдатом и, тем самым, винтиком гигантской военной машины, чувствует себя дезориентированным и неспособным здраво рассуждать. Думаю, что такой человек, как за спасительную соломинку, ухватится за любой совет, который поможет ему разобраться хотя бы в своих собственных мыслях и чувствах. Из моментов, усугубляющих чувство вины оставшихся дома, с которым им так нелегко справиться, я бы хотел выделить два: вызванное войной разочарование и изменившееся отношение к смерти, к чему она, как и все остальные войны, нас усиленно принуждает.

Если я говорю о разочаровании, то каждый тотчас и без труда понимает, о чем идет речь. Не надо быть великим филантропом, чтобы, сознавая всю биологическую и психологическую необходимость страдания для разумной полноты человеческой жизни, тем не менее осуждать войну за ее средства и цели и страстно желать ее скорейшего окончания. Мне могут возразить, что войны на Земле не прекратятся до тех пор, пока народы живут в совершенно разных условиях, пока для них неодинакова ценность человеческой жизни и пока их разделяет ненависть, выражающая сильнейшие душевные движения. Нас в течение долгого времени готовили к тому, чтобы мы приняли неизбежность конфликтов, войн между первобытными и цивилизованными народами, между расами, отличающимися цветом кожи, и войн с неразвитыми или одичавшими враждующими толпами в Европе. Но мы все же надеялись на нечто иное. От великих и владеющих миром наций белой расы, которым выпал жребий вести за собой весь род человеческий, от наций, озабоченных общемировыми интересами, наций, чей творческий потенциал и технический прогресс позволили им овладеть природой, науками и искусствами, от этих народов ждали, что они

¹ Фрагмент (I глава) статьи З. Фрейда «Злободневное рассуждение о войне и смерти» печ. по: Фрейд З. *Болезнь культуры* (сборник) / Перев. А. Н. Анваера. М.: АСТ, 2012. URL: <https://fil.wikireading.ru/58764> (дата обращения: 30.11.2023).

смогут как-то иначе разрешить недоразумения и конфликты интересов. Внутри каждой из этих наций существовали возвышенные нравственные нормы, установленные для каждого индивида, и он должен был их придерживаться, если хотел быть причастным к делам своего культурного сообщества. Эти часто завышенные предписания многого от него требовали — всяческого самоограничения и почти полного отказа от удовлетворения инстинктивных влечений. Прежде всего индивиду было запрещено добиваться для себя чрезмерных выгод, употребляя для этого ложь и обман в конкурентной борьбе с другими людьми. Культурное государство считает такие нравственные нормы основой своего благосостояния. Государство всерьез вмешивается в случаях, когда кто-нибудь осмеливается проверить эти нормы на прочность. Оно объявляет такие попытки недопустимыми и осуждает их с позиций критического разума. Надо также понять, что государство не желает терять самоуважения и не потерпит никаких действий, противоречащих основаниям его собственного существования. Тем не менее мы понимаем, что внутри этих культурных наций существуют определенные вкрапления групп населения, отнюдь не пользующихся всеобщей любовью, и этих людей неохотно и не в полной мере допускают к участию в общей культурной работе нации, хотя они вполне пригодны для нее. Естественно предположить, что великие народы достигли такого уровня понимания своего единства и выработали такую терпимость к своей разнородности, что у них расплавилось само дошедшее до нас из древности понятие о «чуждом» и «враждебном».

Уверенные в единении культурных народов, многие люди сменили место жительства, переехав в другие страны, и это их бытие было вполне совместимо с оживленными отношениями между разными народами. Кому было тесно и не сиделось на месте и кого никакие обязанности не удерживали дома, мог невозбранно, не рискуя оказаться на подозрении, отправиться в любую из манивших его своими красотами культурных стран, слившихся в одно новое великое отечество. Он мог наслаждаться зрелищем теплых синих или холодных серых морей, заснеженными горами и зелеными луговыми пастбищами, колдовством северных лесов и пышностью южной растительности, настроением пейзажей, навевающих память о великих исторических событиях, или тишиной нетронутых уголков природы. Это новое отечество было для него музеем, наполненным всеми сокровищами, созданными и оставленными нам великими художниками культурного человечества. Переходя из одного зала этого музея в другой, он мог убеждаться, сколь разнообразные и совершенные типы новых его соотечественников породили смешение кровей, переплетения истории и разнообразие ландшафтов матери-земли. Здесь в наибольшей степени развилась нестигаемая стальная энергия, там — изящное искусство, украсившее жизнь, где-то еще — приверженность к закону и порядку и прочие качества и свойства, сделавшие человека властелином на земле.

Не будем забывать и то, что каждый гражданин этого культурного мира формировал свой индивидуальный «Парнас» или «Афинскую школу». Из всего множества великих мыслителей, поэтов, художников всех наций он выбирал тех, кому был обязан лучшим в себе, выбирал то, что стало ему доступным и принесло радость и понимание жизни; это могли быть как достижения бессмертной древности, так и достижения культуры его собственной нации. Никто из великих не был ему отныне чужд только из-за того, что изъяснялся на другом языке, наоборот — помогал ему проникать в суть человеческих

страстей, быть поклонником искусств, внимать пророческим речам; при этом никто не заставлял его отказываться от собственной нации и забывать язык любимой родины.

Эту радость жизни в культурном сообществе нарушали временами голоса, предупреждавшие о том, что из-за застарелых противоречий войны неизбежны даже между его членами. Никто не хотел в это верить, да и как можно было вообразить себе такую войну, даже если бы она вдруг случилась? Как лишний повод показать достижения прогресса в сравнении с теми дикими давними временами, когда афинские амфикионии после взятия одного из союзных городов запретили разрушать дома, вырубать оливковые рощи и лишать город воды? Как рыцарский поединок, цель которого ограничена демонстрацией превосходства одной из частей культурного сообщества; как поединок, в ходе которого будут избегать ненужных потерь и страданий среди тех, кто не имеет прямого отношения к конфликту, поединок, в ходе которого будет оказана самая квалифицированная помощь раненым, а обе воюющие стороны проявят уважение к врачам и фельдшерам? Естественно, такая война не должна была коснуться тех, кто не мог в ней участвовать, — женщин, которым вообще чуждо ремесло войны, и детей, которые, когда вырастут, будут друзьями и товарищами, независимо от того, в какой из стран они родились. Культурное сообщество надеялось, что будут сохранены все международные культурные учреждения и организации, в которых в мирное время воплощалось великое культурное общество.

Конечно, и такая война была бы полна невыносимого ужаса, но она не повлияла бы на сохранение и развитие этических связей и отношений между выдающимися представителями человечества, между народами и государствами.

Война, в которую мы не хотели верить, разразилась и принесла с собой страшное разочарование. Она не только оказалась более кровавой и более опустошительной, чем все прошлые войны, она не только сопровождается большими потерями благодаря невиданной мощи наступательных и оборонительных вооружений — она ведется по меньшей мере так же жестоко и с таким же ожесточением, как и все войны в мировой истории. Эта война преступила все мыслимые ограничения, которых люди придерживались в мирное время, отринув то, что люди называли международным правом, она не признает неприкосновенности раненых и врачей, не делает различий между солдатами и мирным населением, не уважает прав частной собственности. Война в слепой ярости сметает все на своем пути, сметает так, как будто после нее никогда не наступит мир между людьми, как будто после нее не будет уже никакого будущего. Война рвет все узы, связывающие противоборствующие ныне народы, и грозит оставить по себе ожесточение, которое надолго сделает невозможным восстановление прежнего единства.

Война обнажила и еще один, непостижимый феномен: оказалось, что народы культурного сообщества так мало знают и понимают друг друга, что воюют, испытывая лишь ненависть и отвращение к своим противникам. Так оказалось, что одну из культурных наций ненавидят настолько, что пытаются исключить из культурного сообщества как «варварскую», невзирая на те великие достижения в культуре, которых она добилась. Мы живем надеждой, что беспристрастные историки представят доказательства, что именно эта нация, на языке которой пишутся эти строки, нация, за победу которой бьются наши родные и близкие, меньше других преступила законы человечности, но кто в такое время решится взять на себя роль судьи в собственных делах?

Народы — хоть и очень приблизительно — представлены теми государствами, в которых они живут. Государства, в свою очередь, представлены правительствами, которые ими управляют. Каждый представитель народа во время этой войны с ужасом убеждается в том, к чему его начали приучать еще в мирное время: государство лишило индивида права совершать противоправные действия, и не потому, что оно его отменило и уничтожило, а потому, что оно его монополизировало, как соль и табак. Государство, ведущее войну, присвоило себе право творить беззакония, лишив такого права своих подданных. Государство помогает себе не только позволительной хитростью, но и сознательной ложью и злонамеренным обманом относительно противников, причем в мере, превосходящей обман всех прошлых войн. Государство требует непрекаемого послушания и жертвенности от своих граждан и при этом затыкает им рот с помощью цензуры, запрета на обмен информацией и высказывание собственного мнения. Эта цензура деморализует интеллектуалов, делая их заложниками пренеприятных ситуаций и беспочвенных слухов. Государство освободило себя от всех обязательств и договоров, связывавших его с другими государствами, дало полную волю своей алчности и властолюбию, каковые индивид обязан из патриотизма одобрять.

Никто не возражает против того, чтобы государство преступало законы — в противном случае оно окажется в невыгодном положении. Для индивида также оказывается невозможным следование нравственным нормам и участие в неоправданных жестокостях, а государство, со своей стороны, редко оказывается способным вознаградить гражданина за те жертвы, которых оно от этого гражданина требует. Не стоит также удивляться тому, что расшатывание всех нравственных норм в отношениях между нашими властителями дум оказывает влияние на моральное состояние отдельных индивидов, ибо наша совесть — отнюдь не твердый и непреклонный судья; наша совесть, по своему происхождению, есть лишь «социальный страх», и ничего более. Когда общество перестает упрекать своих членов в безнравственности, люди освобождаются от подавления злых влечений и решаются на жестокость, коварство, предательство, дикость и все те деяния, которые раньше они считали несовместимыми со своим культурным уровнем.

Итак, граждане мира, о которых я писал выше, беспомощно стоят посреди ставшего им чуждым мира. Их великое отечество рассыпалось в прах, общее достояние разграблено, сограждан унизили и рассорили!

Надо кое-что уточнить в отношении этого разочарования. Если отнестись к нему строго, оно не является оправданным, поскольку является всего лишь крушением иллюзии. Иллюзии помогают нам избавиться от неприятных чувств, заменяя их получением удовольствия. Мы должны безропотно принять, что в конце концов все иллюзии неизбежно сталкиваются с действительностью и разбиваются вдребезги.

Эта война двояким образом усиливает наше разочарование: ослаблением нравственности государств, соблюдающих какие-то нормы лишь внутри своих стран, и жестокостью в отношении отдельных индивидов, более не считающихся представителями высокоразвитой культуры человечества.

Мы начнем со второго пункта и попытаемся в короткой фразе сформулировать то мировоззрение, которое собираемся подвергнуть критике. Как, собственно говоря, представляют себе процесс, в результате которого отдельный индивид достигает высокой степени морали и нравственности? Первый и самый очевидный ответ гласит: человек добр

и благороден с рождения. Это мнение мы не станем ни рассматривать, ни комментировать. Второй ответ гласит: в данном случае речь идет о процессе развития, в ходе которого под влиянием воспитания и культурного окружения в человеке искореняются злые наклонности и замещаются наклонностью к добру. В таком случае нам остается лишь удивляться тому, что зло с неистовой силой прорывается в поведении столь воспитанных людей.

Однако в этом ответе содержится одно слово, с которым мы никак не можем согласиться, — это слово «искореняются». Психологические и в еще большей степени психоаналитические исследования показывают, что глубинную сущность человека составляют инстинктивные побуждения, имеющие элементарную, стихийную природу и нацеленные на удовлетворение известных первоначальных потребностей. Эти инстинктивные побуждения сами по себе ни хороши, ни плохи. Мы так классифицируем их и их проявления только в отношении потребностей и требований человеческого общества. Надо признать, что все побуждения, которые считаются обществом злыми и дурными, — возьмем для примера эгоистичные и жестокие побуждения, — как раз и являются такими примитивными, первобытными, исконными влечениями.

Эти примитивные побуждения долго развиваются латентно, ничем себя не проявляя, пока им не дают волю в зрелом состоянии. Их подавляют, направляют их энергию в другие сферы и области человеческой деятельности, они соединяются, сливаются, растворяются, меняют объекты воздействия и зачастую даже направляются против собственной личности. Картины реакций на определенные влечения симулируют их содержательные превращения — из эгоизма возникает альтруизм, из жестокости — сострадание. Сформированные таким образом реакции с самого начала благоприятствуют образованию пар противоположно направленных влечений, весьма странных и малоизвестных отношений, обозначаемых термином «амбивалентность чувств». Самый наглядный и понятный пример — это нередкое сочетание в душе одного человека любви и ненависти. Из психоанализа известно, что столь же противоречивые чувства человек может испытывать и к самому себе.

Только после преодоления всех этих влечений «волею судеб» устанавливается то, что мы называем характером человека, характером, который мы, в соответствии с несколько ущербной классификацией, называем либо «хорошим», либо «плохим». Человек редко бывает или абсолютно плохим, или абсолютно хорошим. Обычно он бывает хорош в каких-то одних проявлениях, плохим — в других. В одних условиях человек может принимать добрые решения, а в других условиях — наоборот. Очень интересным нам представляется наблюдение, что если в детстве преобладают сильные «злые» влечения, то, вырастая, такой человек зачастую становится «добрым». В высшей степени эгоистичные дети могут вырасти в бескорыстных и жертвенных граждан. Большинство склонных к состраданию людей, любящих других людей и животных, вырастают из маленьких садистов и мучителей кошек.

Преображение «злых» влечений осуществляется под влиянием двух равнозначных факторов — внутреннего и внешнего. Внутренний фактор опосредуется влиянием дурных, — скажем лучше, эгоистичных, — влечений, воздействующих через эротику и потребность в любви в самом широком смысле этого слова. Благодаря эротическому компоненту эгоистичные влечения преобразуются во влечения социальные. Положение, когда тебя любят, считается предпочтительным и выгодным, и ради такой выгоды человек отказывается от других выгод и преимуществ. Внешний фактор — это давление воспитания,

представляющего притязания культурного окружения и имеющего продолжение в виде влияния культурной среды. Культура обретается человеком за счет отказа от удовлетворения влечений и требует от каждого приобщившегося к ней индивида такого отказа. На протяжении жизни индивида постоянно имеет место превращение внешнего принуждения культуры в принуждение внутреннее. Культурное влияние приводит к тому, что все большее число эгоистических устремлений благодаря наличию в них эротического компонента превращается в устремления альтруистические и социальные. В конечном итоге следует признать, что все внутреннее принуждение, имеющее значение в развитии человеческой личности, изначально, — то есть от возникновения человечества, — было только и исключительно принуждением внешним. Рождающиеся сегодня люди обладают предрасположенностью к превращению эгоистических влечений в социальные, и эта предрасположенность, являющаяся врожденной и унаследованной, обеспечивает упомянутое превращение под влиянием благоприятных внешних условий. Другая часть преобразования влечений происходит в дальнейшей жизни самостоятельно. В такой ситуации отдельный индивид не только испытывает влияние современной ему культурной среды, но и находится под влиянием культурной истории своих предков.

Если мы рассмотрим благоприобретенную способность человека преобразовывать свои эгоистические влечения эротического характера в культурные потребности, то убедимся, что они состоят из двух частей — врожденно обусловленной и благоприобретенной. Соотношение этих частей и неизменившейся части инстинктивной жизни является в высшей степени переменным.

В общем, мы склонны слишком высоко оценивать врожденный компонент культурной склонности и, следовательно, переоценивать влияние культурной склонности на остаточную инстинктивную жизнь; иначе говоря, мы думаем, что человек лучше, чем он есть на самом деле. Существует еще один момент, затемняющий наше суждение и искажающий результат в желательном для нас направлении.

Инстинктивные побуждения другого человека, естественно, ускользают от нашего внимания. Мы судим о его инстинктивных влечениях по его поступкам и поведению, откуда и делаем заключения относительно его инстинктивных мотивов. По определению, такие умозаключения нередко оказываются неверными. «Добрые» поступки в одних случаях могут быть продиктованы «благородными» мотивами, а в других случаях нет. Научная этика считает добрыми только те поступки, которые продиктованы добрыми побуждениями, в противном случае поступки таковыми не признаются. Руководствуясь практическими соображениями, общество не слишком заботится о таком принципиальном различии. Оно удовлетворяется тем, что человек в своих поступках и действиях придерживается культурных предписаний, и потому мало интересуется его мотивами.

Мы уже знаем, что внешнее принуждение, каковое оказывают на человека воспитание и окружение, влечет за собой обращение инстинктивной жизни к добру и способствует превращению эгоизма в альтруизм. Но это влияние внешнего принуждения не является ни необходимым, ни регулярным. Система воспитания и окружение поощряют человека не только любовью, они могут премировать и другим способом — с помощью системы вознаграждений и наказаний. То есть внешнее принуждение может влиять таким образом, что воспитуемый делает выбор в пользу одобряемых культурой поступков и действий, но при этом не происходит облагораживания влечений, эгоистические наклонности не

замещаются наклонностями социальными. Огрубляя, вывод можно сделать такой: лишь в особых условиях выясняется, когда человек делает добро исходя из внутренних побуждений, а когда вынужденно, руководствуясь соображениями пользы и личной выгоды. При поверхностном знакомстве с человеком мы не в состоянии понять, что движет его поступками, не можем провести необходимое различие, но, движимые оптимизмом, переоцениваем и завышаем число преобразенных культурой людей.

Культурное общество, которое требует добрых дел и поступков, но не заботится об их инстинктивном обосновании, плодит, таким образом, множество людей, которые, подчиняясь требованиям культуры, не следуют собственной природе. Воодушевленное успехом общество впадает в заблуждение и начинает еще больше завышать нравственные требования, тем самым все более лишая членов общества возможности удовлетворять инстинктивные влечения. Людям остается только одно — силой подавлять свою потребность в удовлетворении влечений, и возникающее в связи с этим напряжение проявляется в самых странных формах компенсации и замещения. В области сексуальности, где подавление оказывается наиболее затруднительным, реакция проявляется в форме невротических заболеваний. Культурное давление в иных сферах, хотя и не оказывает очевидного патологического влияния и не вызывает клинически значимых расстройств, проявляется в особенностях формирования характера и в постоянной готовности — при благоприятных условиях — к удовлетворению подавленных влечений. Тот, кто вынужден в течение длительного времени реагировать на окружающие стимулы в духе предписаний культуры, каковые не являются выражением его собственных инстинктивных наклонностей, живет — с психологической точки зрения — не по средствам, так сказать, и объективно может быть назван лицемером, причем не важно, сознает он сам это противоречие или нет. Никто не будет отрицать, что наша культура в высшей степени благоприятствует формированию такого лицемерия. Рискнем даже предположить, что наша культура целиком построена на лицемерии такого рода и должна сильно измениться, если хочет вести людей, опираясь на психологические истины. Таких культурных лицемеров несравнимо больше, чем людей действительно культурных, и, конечно, можно дискутировать о том, насколько такое культурное лицемерие необходимо для того, чтобы наша культура не рухнула, но суть состоит в том, что, вероятно, культурные склонности ныне живущих людей просто не соответствуют требованиям культуры. С другой стороны, сохранение культуры обеспечивает перспективу и внушает надежду, что с каждым новым поколением будет происходить смягчение влечений, удобряющее почву для дальнейшего роста культуры.

Из приведенных выше рассуждений мы можем почерпнуть то утешение, что наше разочарование во многих прославленных деятелях, заявивших о некультурном ведении войны, было не очень уместным. Это разочарование зиждилось на иллюзии, которой мы позволили себе поддаться. На самом деле они не так уж низко пали, поскольку изначально не достигли таких высот, каких мы от них ожидали. То, что великие люди, народы и государства отбросили нравственные ограничения в отношениях друг к другу, явилось следствием вполне понятных побуждений на какое-то время освободиться от непрестанного давления культуры и дать выход удовлетворению подавленных инстинктивных влечений. При этом не надо забывать, что в отношении к собственному народу их нравственность не претерпела никакого ущерба.

Мы можем еще больше углубить наше понимание изменений, происшедших под влиянием войны в наших прежних культурных соотечественниках, и при этом удержаться от предъявления несправедливых обвинений. Духовное развитие обладает одной особенностью, какую невозможно обнаружить ни в одном другом процессе развития. Когда деревня вырастает до города, а ребенок дорастает до возраста зрелого человека, деревня погибает в городе, а ребенок погибает во взрослом человеке. Старые черты обнаруживаются лишь в смутных воспоминаниях; на самом деле старый материал и формы исчезают, замещаясь новыми материалами и формами. Не то мы видим в процессах духовного развития. Наглядно эту особенность можно представить лишь так: каждая предыдущая ступень развития продолжает существовать бок о бок с новоприобретенными духовными свойствами и качествами. Последовательность их оборачивается сосуществованием, несмотря на то что во всей последовательности изменений участвует один и тот же материал. Более раннее душевное состояние может годами ничем себя не проявлять, но оно тем не менее присутствует, и в один прекрасный день оно может проявиться вовне с невероятной силой. При этом проявляется только оно одно, как будто все последующие напластования исчезли, улетучились, погибли. Эта чрезвычайная пластичность психики не ограничивается каким-то одним направлением; подобное возвращение на раннюю ступень психического развития называется регрессией, ибо в таком состоянии все позднейшие стадии становятся для человека недоступными. Такое примитивное состояние может утвердиться и воцариться надолго, если не навсегда. В каком-то смысле оно является непреходящим.

Несведущему человеку может показаться, что при психических заболеваниях нарушается духовная и душевная жизнь. На самом деле нарушение касается лишь позднейших духовных приобретений и стадий развития. Сущность душевного расстройства заключается в возвращении к прежним состояниям аффектов и психических функций. Превосходным примером, подтверждающим пластичность психической жизни, является состояние сна, в которое мы с удовольствием погружаемся каждую ночь. С тех пор как мы научились расшифровывать самые несуразные и запутанные сновидения, нам стало ясно, что при засыпании мы сбрасываем с себя нравственность, как одежду, которую каждое утро снова натягиваем на себя. Это разоблачение нисколько не опасно, так как состояние сна обездвиживает нас, лишает способности к активным действиям. Только отчет о сновидениях может дать нам сведения о регрессе нашей чувственной жизни, о ее переходе на предыдущие, более низкие ступени развития. Примечательно, например, что во всех наших сновидениях господствуют чисто эгоистические мотивы. Один из моих английских друзей выступил с этим утверждением на научной конференции в Америке, на что одна из присутствовавших дам заметила, что все это, вероятно, справедливо для Австрии, но и она, и ее друзья могут смело утверждать, что они альтруисты даже в своих сновидениях. Мой друг, хоть он и сам англосакс, проанализировав сновидения этой дамы, энергично возразил: в своих сновидениях благородная американка столь же эгоистична, как и грубый австриец.

Возможно также, что преобразование влечений, на котором зиждется наша культура, может регрессировать под влиянием жизненных обстоятельств. Без сомнения, состояние войны принадлежит к тем силам, которые вполне могут произвести такой эффект, и поэтому не стоит выводить за рамки культуры всех тех, кто в данный момент ведет себя некультурно; напротив, можно ожидать, что в более спокойные времена у них вновь произойдет облагораживание влечений.

Возможно, в еще большей степени нас удивляет и ужасает симптом, проявившийся у великих культурных соотечественников и выражающийся снижением их этического уровня. Я имею в виду безрассудность, овладевшую лучшими умами, жесточенность и невосприимчивость к самым убедительным аргументам и некритичное отношение к самым сомнительным утверждениям. Безусловно, все это являет печальную картину, и я хочу еще раз подчеркнуть, что мне не хотелось бы выглядеть ослепленным пристрастием человеком, который ищет интеллектуальные промахи только у одной стороны. Этот второй симптом вызывает не меньше опасения, чем рассмотренный ранее, и тоже требует истолкования. Знатоки человеческих душ и философы давно сказали нам, что мы зря воспринимаем интеллект как самостоятельную силу, не замечая его зависимости от чувственной жизни. Интеллект может надежно работать только в том случае, когда он не подвергается сильному натиску чувств; в противном случае он становится инструментом в руках чуждой воли и выдает результаты, которых эта воля от него требует. Логические аргументы бессильны против аффективно окрашенных интересов, — которые всем известны «как малина», по выражению Фальстафа, и поэтому спор с ними по существу попросту невозможен. Опыт психоаналитической работы подтверждает это мнение. Ежедневно мы видим, как умнейшие люди вдруг начинают вести себя столь же безрассудно, как слабоумные, как только их интеллект сталкивается с сопротивлением безотчетного чувства. Но рассудок возвращается после того, как это сопротивление оказывается преодоленным. Логическое ослепление, вызванное войной у лучших представителей европейской интеллектуальной элиты, является вторичным феноменом, следствием чувственного возбуждения, и надо надеяться, что ослепление пройдет, когда уляжется возбуждение.

Если мы именно так пойдем отдалившихся от нас сограждан по культурному отечеству, то нам будет легче перенести вызванное этим отчуждением разочарование, так как в свете вышесказанного мы можем предъявить им куда более мягкие требования. Народы повторяют путь развития отдельно взятого индивида и сегодня находятся на первобытной ступени организации, на ступени организации многочисленных замкнутых сообществ. Соответственно воспитательный момент внешнего давления на нравственность, каковой всегда оказывается столь действенным для отдельного индивида, в условиях войны решительно ослабевает. Мы, правда, надеялись, что великая общность интересов, подкрепленная нуждами производства и свободным перемещением людей, способна стать началом такого внешнего давления и принуждения к культуре, но выяснилось, что народы ставят свои страсти выше собственных интересов. Люди используют интересы лишь для того, чтобы рационализировать свои страсти. Они выдвигают на первый план интересы, с тем чтобы обосновать потакание своим страстям. Остается загадкой, почему представители одной национальности ненавидят и презирают друг друга и почему такие же чувства, даже в мирное время, испытывают друг к другу целые народы. Мне нечего сказать по этому поводу. В таких случаях мы видим, что — по какой-то неведомой причине — в собранных вместе миллионах людей исчезает приобретенная ими под влиянием культуры нравственность, и остаются только самые примитивные, древние и грубые душевные установки. Что-то изменить в этой прискорбной ситуации, вероятно, можно только с помощью целенаправленных усилий. Но немного больше правды и искренности в отношениях людей друг к другу, в отношении власти к подданным способны сделать этот грядущий процесс менее болезненным, а путь более прямым.